

ЧЕНУЖНАЯ
ЖЕНА АЛЬФЫ.
ТРОИЯ
ДЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЮТА
СОНА СКОФИД

Сона Скофилд

**Ненужная жена альфы.
Тройня для северного приюта**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Ненужная жена альфы. Тройня для северного приюта /
С. Скофилд — «Автор», 2026

В день развода муж-альфа отдал мне вместо содержания разваливающийся северный приют с долгами, неисправным защитным узлом и уверенностью, что я вернусь к нему до первой метели. Он ошибся. Я уехала с нашей тройней, вернула старую профессию рубежного мастера и решила превратить заброшенный дом в место, где можно начать жизнь заново. Но едва приют открыл двери, выяснилось: кто-то подменяет защитные сердечники, использует мою пропавшую печать и очень хочет заполучить нашу землю. А бывший муж внезапно вспомнил о детях — особенно когда один из сыновей первым обернулся волком. Теперь мне придется защитить тройню, сохранить приют и доказать, что я не преступница. Хорошо, что рядом оказался Торен Кальд — северный альфа, который не решает за меня и не обещает невозможного. Только на севере доверять опаснее, чем пережить бурю. Потому что тот, кто ломает защитный рубеж, уже знает, где живут мои дети.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Дом вместо содержания	5
ГЛАВА 2. Инспектор у порога	12
ГЛАВА 3. Номер на камне	18
ГЛАВА 4. Девяносто дней	25
ГЛАВА 5. Разрыв на внешней линии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сона Скофилд

Ненужная жена альфы.

Тройня для северного приюта

ГЛАВА 1. Дом вместо содержания

В день нашего развода Рейнар опоздал на одиннадцать минут.

Раньше я обязательно придумала бы ему оправдание. Совет задержал. Патруль принес срочное донесение. Кто-то из старейшин решил обсудить границы пастбищ именно перед заседанием окружного суда. За девять лет брака я научилась заполнять его отсутствие разумными причинами, чтобы не признавать очевидную: чужое время Рейнар ценил ровно настолько, насколько нуждался в человеке.

Судья Астор Кейн не стал ждать двенадцатую минуту.

— Госпожа Вард, вы ознакомились с предложенными условиями?

Передо мной лежали восемь листов. Семь я прочитала дважды. На восьмом стояла строка о детях, и дальше я пока не продвинулась.

— Ознакомилась с большей частью.

— Тогда начнем с вопросов, по которым нет разногласий.

Судья говорил спокойно, не торопя меня и не изображая сочувствия. Ему был шестьдесят один год, за его столом распадались браки ремесленников, землевладельцев и стайных вожаков. Наши подписи не делали это утро особенным.

Тая, Ян и Иво ждали в коридоре возле зала. Я оставила им коробку с мелками и попросила нарисовать будущий дом. Они еще не знали, что у дома есть название и долг в двести сорок крон. До сегодняшнего утра я тоже этого не знала.

— Брак расторгается по взаимному согласию, — продолжил судья. — Стороны не предъявляют требований о супружеской неверности, насилии или сокрытии личного имущества. Госпожа Вард возвращает добрачную фамилию Лессен. Господин Вард сохраняет резиденцию, городскую усадьбу и долю в рудных складах Серой долины. Госпожа Лессен получает северное владение, указанное в приложении четыре. Верно?

— В приложении четыре есть обременение, — сказала я.

Судья поднял глаза.

— Уточните.

Я развернула последний лист так, чтобы он видел строку у нижнего края.

— Собственник обязан содержать центральный узел защитного рубежа. Здесь нет акта о его состоянии и стоимости ближайшего обслуживания.

Дверь открылась. Рейнар вошел без дорожной пыли на сапогах, следовательно, задержало его не срочное дело за городом. Темно-синий камзол сидел без единой складки. На воротнике серебрился знак альфы Серой долины: волчья голова над тремя холмами.

Он занял место напротив меня и положил перчатки на стол.

— Прошу прощения, ваша честь. Совет затянул обсуждение.

Я посмотрела на его чистые манжеты и вернулась к приложению.

Судья не спросил, почему совет был важнее назначенного им времени.

— Госпожа Лессен обнаружила обременение северного владения, — сообщил он. — У вас есть акт обслуживания рубежного узла?

— Владение передается как есть. Майра знакома с такими устройствами лучше большинства нынешних мастеров.

— Это не ответ.

Рейнар едва заметно повернул ко мне голову.

Когда-то я принимала этот взгляд за предупреждение, понятное только супругам. Потом поняла: он просто рассчитывал, сколько возражений потребуется подавить.

— Акт должен находиться в доме, — сказал он. — Прежний смотритель вел журнал.

— Значит, состояния узла вы не знаете?

— Дом простоял больше ста лет.

— Камень может простоять пятьсот. Сердечник меняют после нескольких сильных бурь.

— Вот поэтому я и передаю дом тебе.

Судья положил ладонь на документы.

— Вы передаете имущество жене потому, что оно требует ее профессиональных навыков, или в счет супружеского содержания?

Рейнар выдержал короткую паузу.

— В счет содержания.

— Тогда его стоимость должна учитывать долг и обязательный ремонт.

Я знала, почему Рейнар выбрал именно приют. Денег он мог дать достаточно, чтобы мы с детьми сняли дом в любом городе Вальдеры. Деньги позволили бы мне выбирать. Разрушенное владение на границе давало крышу, от которой нельзя уйти без потерь, и обязанность, способную привести обратно в Серую долину.

Он все еще считал мое возвращение вопросом срока.

— Я приму владение, — сказала я. — При трех условиях.

Рейнар откинулся на спинку стула.

— Разумеется.

В его голосе не было раздражения. Пока человек уверен в победе, он может позволить себе вежливость.

— Право собственности переходит сегодня и не зависит от состояния узла. В договоре не будет пункта о возврате владения прежнему хозяину при моей задолженности. И все известные долги перечислят до подписи.

Судья кивнул секретарю. Перо закрипело по чистому листу.

— Еще?

— Дети остаются со мной. Не временно. Не до первого обращения. Без права совета Серой долины потребовать их по внутреннему решению стаи.

Рейнар медленно снял со стола перчатки и выровнял их край.

— Дети могут жить с тобой, пока ты находишься в пределах долины. Я уже предложил малый дом у восточных ворот и ежегодное содержание.

— В предложении сказано, что управляющего, учителей и врача назначает совет.

— Так безопаснее.

— Для кого?

— Для троих детей, которые в семь лет не показали звериную форму.

За стеной кто-то уронил мелок. Он покатился по каменному полу, затем остановился.

Я знала, что Тая сидит ближе всех к двери. Она умела слушать даже тогда, когда рисовала.

— Допустимый возраст первого обращения заканчивается в десять, — сказала я.

— Я знаю закон.

— Тогда почему ты говоришь о них как о больных?

— Я говорю об интересах стаи.

Вот оно. Выражение, которое девять лет заменяло ему личную ответственность.

— Тая, Ян и Иво не обязаны оправдывать расходы стаи будущей пользой.

— Не переворачивай мои слова.

— Мне не требуется. Ты сам поставил условие: они получают дом и врача, если остаются под надзором твоего совета.

Рейнар взглянул на судью.

— В семье альфы дети воспитываются иначе. Если хотя бы один из них обратится, ему понадобится подготовка.

— Подготовка не требует разлучать его с матерью, — отрезал судья. — И не дает совету прав выше королевского суда. Основной опекун в последние семь лет — госпожа Лессен?

— Да, — ответила я.

Рейнар промолчал.

Судья повторил вопрос.

— Да, — произнес он наконец. — Майра занималась детьми.

Занималась. Как кухарка занималась обедом, а конюх — лошадьми. Он не сказал, что Ян два года засыпал только после прогулки по галерее. Что Тая не переносила, когда ее вещи переставляли без предупреждения. Что Иво закрывал уши от крика и просил говорить тише, но не был трусом.

Впрочем, мне больше не нужно было добиваться от Рейнара правильных слов. Достаточно было получить правильную запись в решении суда.

— Обязательное содержание детей устанавливается отдельно от супружеского соглашения, — сказал судья. — Отказ одного родителя от денег не отменяет прав несовершеннолетних. Сумму определит палата после оценки доходов господина Варда. До тех пор действует временная выплата. Место проживания детей закрепляется за матерью. Любые изменения — только через королевский суд.

— Северный округ небезопасен, — сказал Рейнар.

— Поэтому я запрашиваю акт состояния приюта, — ответил судья. — Которого у вас нет. Впервые за утро Рейнару потребовалось заметное усилие, чтобы промолчать.

Секретарь принес реестр долгов. Кровельщик требовал сорок восемь крон. Поставщик угля — тридцать одну. За прошлогоднюю проверку узла числилось девяносто, хотя самого акта в приложениях не было. Остальное составляли мелкие счета: корм, две разбитые оконные рамы, ремонт насоса.

Я сложила суммы на полях.

— Двести сорок три кроны и восемьдесят грошей.

— Северный участок земли стоит больше тысячи, — заметил Рейнар.

— Если его не закроют из-за аварийного узла.

— Ты всегда умела видеть худший расчет.

— Плохой расчет не становится лучше, если его не читать.

Судья посмотрел на меня поверх очков.

— Вы по-прежнему принимаете владение?

Я могла отказаться. Получить меньшую денежную сумму после оценки, снять несколько комнат и следующие месяцы доказывать, что бывшая жена альфы способна содержать троих детей. Такой путь был безопаснее. Он оставлял нас рядом с Серой долиной и людьми Рейнара.

На обороте приложения четыре имелась схема участка. Приют стоял у Каменного перевала, между деревней и старой дорогой. Под домом сходились три ветви защитного контура. Если узел работал, здание можно было восстановить. Если нет, долг окажется меньшей из проблем.

Я пять лет училась рассчитывать такие линии. Два года работала на севере. Потом вышла замуж и позволила Рейнару убедить меня, что жена альфы не должна лазить по подвалам в рабочих перчатках.

— Принимаю, — сказала я. — С полным перечнем долгов, без права возврата и вместе с землей до старого дорожного знака.

— Этот знак стоит у заброшенной ветви, — быстро произнес Рейнар.

Значит, границу участка он изучил лучше, чем состояние дома.

— Именно поэтому я уточнила.

Судья велел внести условие.

Мы подписывали договор еще сорок минут. Я читала каждую исправленную строку. Рейнар дважды просил секретаря ускориться, но судья не позволил пропустить ни одного приложения.

Когда настала очередь последней подписи, я вывела: «Майра Лессен».

За девять лет я привыкла подписываться фамилией Вард. Перо на мгновение задержалось между двумя буквами, оставив чуть больше чернил. Исправлять я не стала.

— С этого момента брак расторгнут, — объявил судья. — Копии решения получите до вечера. Госпожа Лессен, вам потребуется зарегистрировать право собственности в Северном округе в течение десяти дней. Господин Вард, временное содержание детей перечисляется через судебную палату. Любые частные условия сверх записанного не имеют силы.

Рейнар встал раньше меня.

— Мне нужно поговорить с бывшей женой наедине.

— Нет, — сказала я.

Он повернулся ко мне. Раньше я ответила бы мягче: «Не сейчас» или «Давай позже». Эти фразы оставляли ему место продолжать. Простое слово места не оставляло.

Судья убрал документы в папку.

— Разговор возможен только по согласию обоих. Заседание окончено.

В коридоре Ян лежал животом на скамье и дорисовывал дым над трубой. Иво выстроил мелки по длине. Тая держала три листа на коленях и смотрела на дверь.

— Мы теперь разведенные дети? — спросил Ян.

— Таких детей не бывает, — ответила я. — Развелись взрослые. Вы остались собой.

— А где будем жить? — Тая подняла свой рисунок.

На нем стоял квадратный дом с четырьмя одинаковыми окнами. Рядом она написала имена, чтобы никто не спорил, кому какая фигурка принадлежит.

— На севере. У нас будет большой дом возле Каменного перевала.

— Насовсем? — уточнила она.

— Если мы захотим его сохранить и справимся с работой.

Тая нахмурилась.

— Это не значит насовсем.

— Пока не значит.

Ян сел.

— Там есть волки?

— Мы сами волки, — напомнила Тая.

— Пока нет.

Иво убрал последний мелок в коробку.

— У дома есть крыша?

Вопрос был разумным. Я решила не давать детям обещаний, которые можно проверить через три дня.

— Есть. Но ее придется чинить.

— Тогда это дом с работой, — заключил он.

— Да.

— Лучше, чем дом с советом, — сказал Ян.

Тая толкнула его локтем и посмотрела на меня: слышала ли я. Я слышала.

Рейнар вышел из зала, когда мы складывали рисунки. Дети замолчали. Он остановился в двух шагах, словно перед ним стояли трое незнакомых воспитанников, которых требовалось похвалить за опрятность.

— Вы поедете с матерью, — сказал он. — На некоторое время.

— Судья сказал, насовсем, — возразила Тая.

— Судья сказал, что вы будете жить с матерью. Это можно изменить, если обстоятельства станут небезопасными.

Я встала между ним и скамьей.

— Не обсуждай с детьми возможное изъятие сразу после решения суда.

— Я объясняю факты.

— Нет. Ты оставляешь им угрозу, которую они не могут оценить.

Рейнар перевел взгляд на меня.

— Северный приют закрыт восемь лет. В жилом состоянии осталось одно крыло. Ты вернешься раньше первой метели.

— Ты только что утверждал судье, что дом стоит больше тысячи крон.

— Земля стоит. Дом требует средств, которых у тебя нет.

— Значит, ты сознательно передал матери своих детей непригодное жилье.

Он понял ошибку и сразу сменил тон.

— Я дал тебе возможность вспомнить профессию. Ты этого хотела.

— Я хотела работать, когда мы были женаты. Ты называл это неподходящим для жены альфы.

— Тогда у нас были другие обязанности.

— У меня были. У тебя была должность.

Я взяла коробку с мелками у Иво.

— Карета придет к западному входу в семь утра. До этого мы заберем личные вещи детей. Опись отправлю управляющему сегодня.

— Майра.

— Теперь госпожа Лессен.

Я не ждала ответа. Мы вышли из здания суда вчетвером.

Дома я потратила пять часов на упаковку. Не всего имущества — только вещей, которые действительно принадлежали нам. Детская одежда, книги, деревянный волк Яна, шкатулка Таи с лентами, набор шестеренок Иво. Мои рабочие инструменты лежали в кладовой под лестницей. Кожаный футляр покрылся пылью, но измерительная скоба двигалась ровно, а молоток не заржавел.

Личной печати внутри не оказалось.

Я перебрала отделения дважды. Пустое круглое гнездо осталось на месте, рядом лежала старая сургучная палочка.

Печать я отдала Рейнару восемь лет назад, когда он попросил хранить важные документы в общем архиве. Тогда это казалось мелочью. Лицензию я не закрывала: собиралась вернуться к работе после рождения детей, потом после их первого года, потом после следующей зимы.

Я записала печать в перечень вещей, которые требовала вернуть.

Управляющий усадьбой появился в детской, когда мы закрывали второй сундук. Он служил Рейнару еще до нашей свадьбы и умел сообщать неприятное так, будто зачитывал прогноз погоды.

— Господин Вард распорядился оставить большую дорожную карету в конюшне. Она числится за резиденцией.

— В описи суда ее нет среди моего имущества. Я и не собиралась ее брать.

Он явно ожидал спора и растерялся, когда не получил.

— Тогда какой экипаж подать утром?

— Никакой. Я наняла почтовую карету до Северного тракта. На второй станции нас встретит местный возчик.

— С тремя детьми и сундуками это будет неудобно.

— Вероятно.

Я не собиралась изображать, что независимость всегда удобна. Наемная карета стоила семь крон, смена лошадей — еще две, а северный возчик запросил четыре с половиной. Семейный экипаж довез бы нас бесплатно, но вместе с кучером Рейнара, отчетом о каждой остановке и возможностью в любой момент лишить нас дороги обратно.

— Господин Вард мог бы пересмотреть распоряжение, — сказал управляющий. — Если вы попросите.

— Передайте ему благодарность за разъяснение состава имущества.

Он поклонился и ушел.

Ян дождался, пока шаги стихнут в коридоре.

— Мы бедные?

Тая перестала затягивать ремень на своем сундуке. Иво продолжил укладывать шестеренки в деревянную коробку, но делал это медленнее.

— Сейчас у нас меньше денег, чем было вчера, — ответила я. — Это не одно и то же.

— А когда они закончатся?

— Если ничего не зарабатывать, через шесть недель. Поэтому в приюте будут останавливаться путники, стражники и торговцы. Они заплатят за комнаты и еду.

— Я могу носить дрова, — сразу предложил Ян.

— Небольшие поленья и только вместе со взрослым.

— Я буду считать комнаты, — сказала Тая.

— Считать можно. Распоряжаться постояльцами буду я.

Иво поднял коробку.

— А я могу ничего не выбирать сегодня?

— Можешь.

Он поставил коробку в сундук и принес моток бечевки. Мы подписали багаж: три детских сундука, один мой, ящик книг, футляр инструментов. Тая настояла, чтобы на каждом ярлыке стояло имя, а не общая надпись «детское». Ян дважды поменял местами рисунки, пока не решил, что его волк должен ехать среди книг. Иво оставил одну шестеренку в кармане.

На лестнице мы встретили секретаря Рейнара. Он нес папку из общего архива.

— Госпожа Лессен, мне поручено передать ваши учебные свидетельства и копию лицензии.

— А личную печать?

— В папке ее нет.

— Она хранится в круглом футляре из темной кожи. Проверьте ящик с мастерскими договорами.

— Архив закрыт до завтрашнего утра.

— Тогда отправьте печать через судебную палату. Не через людей господина Варда.

Он записал требование на обороте описи и поставил подпись. Теперь исчезновение печати существовало не только в моей памяти.

К вечеру секретарь суда принес копию решения и пакет по северному владению. Среди старых счетов нашлось уведомление пограничной службы. Через шесть недель ожидался сезонный пик северного гула. Все узлы подлежали проверке до начала бурь.

Я разложила на полу схему приюта. Три ветви контура сходились под мастерской. Рядом дети спорили, можно ли посадить у северного окна фасоль, если зимой мало света.

У нас были деньги на дорогу и шесть недель скромной жизни. Долг в двести сорок три кроны. Дом, который восемь лет не принимал постояльцев. Защитный узел без акта. И печать, оставшаяся в архиве человека, который считал мое возвращение неизбежным.

Я взяла чистый лист и составила список работ на первые три дня.

Утром мы уезжали.

ГЛАВА 2. Инспектор у порога

На третий день дороги сломалась задняя рессора.

Возчик заметил это по скрежету на подъеме, остановил лошадей и велел нам выйти. До приюта оставалось меньше мили. Снег еще не лег, но земля промерзла, и колеса оставляли неглубокие следы в серой грязи.

— Дальше пешком, — сказал возчик. — Сундуки доведу после ремонта. К вечеру, если найду в деревне железную полосу.

Ян воспринял поломку как начало приключения. Тая потребовала расписку на багаж. Иво стоял у колеса, пока возчик не показал ему треснувшую скобу и не объяснил, почему телега заваливается вправо.

Я забрала документы, деньги и футляр инструментов. Остальное пришлось оставить незнакомому человеку на дороге. Еще неделю назад четыре слуги переносили наши вещи между комнатами. Теперь каждый предмет, который я не могла удержать в руках, требовал доверия или оплаты.

Приют показался за поворотом через двадцать минут.

Двухэтажный каменный дом стоял на невысоком склоне. К дороге выходил длинный фасад с восемью окнами; в трех не хватало стекол. Западную часть крыши покрывали свежие заплатки, восточная просела у дымовой трубы. За домом виднелись конюшня, пустой сарай и низкая мастерская с отдельным входом.

Я остановилась у дорожного знака, включенного в границы участка. Отсюда до главного крыльца было около ста пятидесяти шагов. Справа поднималась старая рубежная опора: гранитный столб высотой в человеческий рост, с медной полосой у основания. На меди зеленели потеки. Их цвет показывал возраст окисления, но не состояние соединения под землей.

— Это наш дом? — спросил Ян.

— По документам — да.

— А по-настоящему?

— После регистрации тоже будет наш.

Тая обошла дорожную яму и посмотрела на крышу.

— Ты сказала, она есть.

— Она есть. Я не обещала, что она везде целая.

— Это разные ответы.

— Поэтому я дала оба.

Иво указал на трубу.

— Если затопить печь, дым пойдет туда?

— Если дымоход не забит.

— А если забит?

— Сначала проверим.

На крыльце появилась женщина в шерстяном жилете поверх темного платья. Седые волосы были собраны в тугий узел. В одной руке она держала ведро, в другой — тяжелую щетку.

— Если вы покупатели, господин Харт поторопился, — сказала она. — Владение еще не выставлено.

— Я новая владелица. Майра Лессен.

Женщина поставила ведро у стены и вытерла ладонь о передник.

— Веда Морн. Смотрительница, пока совет не решит иначе.

— Совет Серой долины больше ничего здесь не решает.

Она оценила мою дорожную юбку, детей и футляр инструментов.

— Значит, вы та самая жена.

— Бывшая.

— Это полезнее. Бывшим женам приходится читать счета.

Я решила, что мы поладим хотя бы в части счетов.

Веда открыла дверь и сразу предупредила:

— На второй этаж детей не пускайте. В восточном коридоре мокро, две доски возле лестницы повело. Печь в кухне я топлю. В гостиной дымит. Вода идет из колодца, ручной насос в доме замерз прошлой зимой и треснул.

— Сколько жилых комнат?

— Четыре наверху в западном крыле. Две сухие. В третьей выбито стекло, в четвертой осыпалась штукатурка. Внизу можно спать в бывшей лечебной, но там пахнет карболовым мылом даже после восьми лет.

— Почему вы остались одна?

— Мне платили двенадцать крон в месяц за охрану имущества. Последние три месяца не платили.

— Это есть в долгах?

— Нет.

Я записала еще тридцать шесть крон.

Веда заметила движение карандаша.

— Я могу подождать до первого дохода. Но бесплатно работать не стану.

— И не должны.

Мы начали с кухни. Большая плита была цела, железные дверцы закрывались, в дровяном ящике оставалось топлива на два дня. В кладовой стояли три мешка овса, полмешка муки, бочонок соли и банки с сушеными ягодами. На нижней полке я нашла мышиный помет и велела детям не трогать продукты, пока мы не переберем запасы.

— Можно выбрать комнаты? — спросил Ян.

— После проверки лестницы.

— Ты все проверяешь.

— Сегодня это особенно выгодная привычка.

Я достала из футляра короткий молоток и простучала первые ступени. Звук менялся там, где древесина отсырела. Две доски требовали замены, но несущие балки оставались твердыми. Я отметила опасные места мелом и поднялась первой.

Тая выбрала комнату с целым окном и попросила кровать у стены. Ян хотел ту, откуда была видна конюшня. Иво остановился в дверях третьей комнаты, прислушался к каплям в металлическом тазу и заявил, что будет спать внизу, пока крышу не починят.

— Мы останемся вместе, — сказала Тая.

— Я не хочу слушать капли ночью.

— Тогда поставим таз в другое место.

— Звук останется.

Я отвела их в сухую угловую комнату.

— Первые ночи спим здесь втроем. Я буду в соседней. Когда проверим остальные комнаты, каждый решит отдельно.

— А если Тая решит за нас? — спросил Ян.

— Тогда я отменю решение.

Тая скрестила руки, но спорить не стала.

Сундуки еще не приехали, поэтому дети сняли пальто, свернули их вместо подушек и занялись осмотром пустых ящиков. Я спустилась с Ведой к мастерской.

Дверь заедала из-за разбухшего нижнего края. Веда навалилась плечом, я приподняла створку за ручку, и вместе мы открыли ее без повреждения петель.

Внутри стояли два верстака, шкаф с инструментами, ручной кран над люком и контрольный щит на стене. Под мутным стеклом находились три стрелки — по одной на каждую ветвь контура. Левая держалась у первой отметки, средняя лежала на нуле, правая дрожала между делениями.

— Когда их проверяли? — спросила я.

— Весной приезжали люди Харта. Просидели здесь полдня, потом сказали, что узел годен до зимы.

— Они открывали люк?

— Просили меня уйти за ключом от дальнего склада. Когда вернулась, люк был закрыт. Я присела перед щитом. На винтах оставались свежие царапины. Кто-то снимал стекло, хотя для обычной проверки это не требовалось.

На крыльце ударил дверной молоток.

Веда посмотрела на потолок.

— Если это покупатели, я им сегодня уже не рада.

Мы вернулись в дом. У входа стояли двое мужчин в серых плащах пограничной стражи. Один был молод, держал папку и старательно не смотрел на облупленную стену. Второй снял перчатки и ждал, пока я подойду.

Я узнала знак на его застёжке: Каменный предел, две пересекающиеся дороги. Командирский кант был темно-красным.

— Госпожа Лессен?

— Да.

— Торен Кальд. Командир Северной стражи. Мне сообщили о смене владельца центрального узла.

Он был выше Рейнара, но первое, что я заметила, — не рост. Торен перенес вес на левую ногу, когда поднимался на крыльцо, и теперь стоял так, чтобы разгрузить правую. Либо старая травма, либо долгий переход по неровной дороге.

— Быстро сообщили, — сказала я.

— Судебная палата пользуется телеграфом. Я тоже.

Молодой стражник передал ему папку.

— Последний акт не содержит показаний средней ветви, — продолжил Торен. — Два дня назад контрольная опора у Рудного Лога показала провал. До выяснения дом подлежит закрытию как связанный с неисправным узлом.

Я взяла протянутый приказ, проверила номер и подпись.

— Приказ составлен вчера. Собственником тогда значился Рейнар Вард.

— Поэтому я приехал вручить новый экземпляр вам.

— А прежнему владельцу его вручали?

Торен посмотрел на молодого стражника.

— Доставили в резиденцию сегодня утром.

Рейнар знал о закрытии, когда мы подписывали договор. Возможно, телеграмму принесли после заседания. Возможно, раньше. Предположение не было доказательством, поэтому я сложила приказ и вернула.

— В доме четверо детей и смотрительница. Наши сундуки стоят на дороге со сломанной телегой. Куда вы предлагаете нам ехать?

— На заставе есть две гостевые комнаты.

— На какой срок?

— Пока узел не признают безопасным.

— Кто будет проверять?

— Подрядчик.

— Компания Харта?

— Сейчас у короны договор с ней.

— Те же люди, которые весной признали узел годным.

Торен не отвел взгляда.

— Именно поэтому я не стал отправлять вам только бумагу.

Это был первый ответ, в котором он обозначил сомнение, не предлагая мне принять его на веру.

— Вы осматривали дом? — спросил он.

— Жилую часть и контрольный щит. Средняя стрелка лежит на нуле. Правая нестабильна. Стекло недавно снимали.

— Откуда вы знаете, что недавно?

— На головках винтов свежий металл без окисления. Хотите посмотреть?

— Сначала лицензию.

Я принесла копию из папки. Торен прочел номер, год выдачи и срок.

— Печати при вас нет.

— Она осталась в архиве бывшего мужа. Требование о возврате внесено в судебную опись.

— Вы восемь лет не практиковали.

— Лицензия не закрыта и не приостановлена.

— Это не означает, что навык сохранился.

— Поэтому проверяйте работу, а не продолжительность брака.

Веда отвернулась к вешалке. Судя по движению плеч, она скрывала улыбку.

Торен вернул лицензию.

— Показывайте.

Мы начали с фундамента. Я сняла дорожные перчатки, надела рабочие и проверила подвал, наружные углы, кладку вокруг мастерской. Восточное крыло требовало закрытия: вода проникла под кровлю, часть балок отсырела. Западное можно было использовать после очистки дымохода, замены двух ступеней и проверки печи.

У северной стены Торен остановился возле длинной трещины в штукатурке.

— Вот причина закрытия жилой части.

Я расчистила край ножом. Под слоем извести кладка оставалась целой.

— Эта трещина идет по старому шву штукатурки. Она не раскрывается кверху и не проходит в камень. Опасна влага над ней, но не стена.

— Уверены?

— Дайте отвес.

Молодой стражник достал шнур с грузом. Я приложила его к углу, измерила отклонение, затем попросила Торена надавить на подоконник. Он сделал это без вопроса. Кладка не сдвинулась, пыль из шва не посыпалась.

— Стена годна, — сказала я. — Но окно нужно закрыть до ночи.

— Ларс, запиши, — велел Торен помощнику.

Так я узнала имя молодого стражника.

В мастерской Торен сам проверил винты на щите и велел Ларсу зарисовать царапины. Затем мы открыли люк.

Из подвала тянуло сыростью и металлом. Я спустилась первой по железной лестнице, проверяя каждую перекладину. Торен шел за мной. Его правая нога дважды задержалась перед переносом веса, но помощи он не просил.

Центральный узел занимал круглую нишу в каменном полу. Три медные полосы входили в кожух сердечника и расходились к стенам. На средней темнело пятно перегрева. Возле крепления лежала мелкая зеленая крошка.

— Соединение грелось, — сказала я. — Возможно, из-за слабого контакта. Возможно, сердечник не держит нагрузку.

— Проверить сможете?

— После отключения ветвей и только с заземляющим штырем. Здесь его нет.

— На заставе есть два.

— Тогда оснований закрывать весь дом пока нет. Жилое крыло можно отделить от средней ветви.

— Пока нет акта, основания есть.

— У вас есть право закрыть опасную часть, а не любую часть, связанную с узлом. Запишите условия допуска. Я выполню их в срок.

Торен опустил фонарь ниже, осматривая крепления.

— Сколько времени вам нужно?

— Десять дней на жилое крыло. Три — на первичную проверку узла после доставки штыря. Для полного ремонта срок назову после вскрытия кожуха.

— За десять дней вы должны заменить две ступени, очистить и испытать кухонную печь, закрыть окна, отделить восточное крыло и устранить протечку над жилыми комнатами. До проверки средней ветви в доме не больше шести человек.

— Нас уже пятеро.

— Значит, одного постояльца.

— Веда не постоялец. Она работник.

— Для нагрузки на контур это безразлично.

— Тогда скажите: шесть двуликих или шесть людей? У меня трое детей без первого обращения.

Он подумал, прежде чем ответить.

— Шесть двуликих, включая детей с наследственной способностью. Правило грубое, но другого измерения до проверки у нас нет.

— Запишите и это.

Мы поднялись из подвала. Ларс составил временный акт в двух экземплярах. Торен включил туда все условия, срок, право Майры проводить неактивные замеры и обязанность стражи доставить заземляющий штырь утром следующего дня.

— Если не выполните хотя бы один пункт, — сказал он, — я закрою дом.

— Если выполню?

— Выдам временное разрешение на жилое крыло до полной проверки контура.

— Подпишите, что проверку проводите вы или независимый мастер, не компания Харта.

— Я не рубежный мастер.

— Вы можете присутствовать и назначить специалиста.

— Назначу палату Северного округа.

— Запишите.

Ларс посмотрел на командира. Торен кивнул.

После их отъезда я пересчитала деньги за кухонным столом. Сто двадцать одна крона и сорок грошей. Двадцать восемь требовал кровельщик из Рудного Лога за срочную zapлату. Девять — трубочист и испытание печи. Стекло, доски, гвозди и уголь забирали еще семнадцать. Даже если я торговалась, к концу недели оставалась половина резерва.

— Могу сходить за Гаретом, — предложила Веда. — Он чинит медь и знает всех кровельщиков.

— Сначала дождемся сундуков. Потом составим список покупок.

— Список у вас уже есть.

— Теперь нужен список того, что можно отложить.

Телега приехала после темноты с новой железной скобой на рессоре. Возчик получил расписку Таи, удивился, но подписал. Мы разожгли кухонную плиту при открытой форточке, проверили тягу и сварили овсяную кашу на воде. Дети ели молча. Через несколько минут Ян положил голову на сложенные руки. Иво попросил выключить одну лампу, потому что она потрескивала. Тая спросила, считается ли первый день из десяти, если приказ подписан вечером.

— Считается, — ответила я.

— Нечестно.

— Зато известно заранее.

Я уложила их в сухой комнате, дождалась ровного дыхания и вернулась в мастерскую.

Сначала я записала расходы и остатки. В кошеле было сто двадцать одна крона сорок грошей. До зимы требовались дрова, мука, соль, свечи и хотя бы две телеги угля. Если крыша западного крыла обойдется в двадцать восемь крон, а дымоход в девять, на ремонт узла останется меньше половины денег. Я дважды сложила числа и получила тот же ответ.

На кухне нашлась жестяная банка с крупой, пригодной после перебора, и три связки сушеных яблок. Веда обещала принести утром хлеб и молоко из деревни. В колодце вода была чистой, но ворот держался на одном новом болте и одном старом. Я внесла его в перечень. Потом проверила наружные запоры, заложила поперечной доской дверь в пустое восточное крыло и повесила на нее полоску бумаги со своей подписью. Такой знак не останавливал вора. Он показывал, куда смотреть, если запор тронут.

В спальне кашлянул Ян. Я дошла до лестницы, постояла, прислушиваясь, и вернулась. Оставить детей спящими в незнакомом доме ради работы казалось плохим решением. Оставить без проверки узел под их комнатой было хуже. Я держала дверь мастерской открытой и каждые несколько минут слышала, как Веда проходит по коридору в своих тяжелых башмаках.

Мне требовалось понять, какой из ремонтов мог оставить до утра. Я начала с журнала узла. Последняя запись сообщала, что сердечник заменили весной и он годен на три сезона сильного гула.

На полях стоял номер: СК-417-28.

Я открыла люк, спустилась с лампой и очистила край кожуха сухой щеткой. На видимой части камня сохранилась заводская насечка.

СК-392-16.

Разница в цифрах не могла появиться от сырости, возраста или ошибки стрелки.

В журнал вписали один сердечник. В узел поставили другой.

ГЛАВА 3. Номер на камне

Стража привезла заземляющий штырь до завтрака.

Ларс снял его с седла, поставил у мастерской и протянул мне опись. Штырь был новым, с кованым наконечником и двумя гнездами под медную полосу. На металле стояло клеймо заставы. Я проверила вес, длину и целостность изоляции на рукояти, прежде чем расписаться.

— Командир велел ничего не вскрывать без него, — предупредил Ларс.

— Он прав.

Ларс явно ожидал возражения. Я вернула опись, и он уехал, оставив после себя две цепочки следов: лошадиные подковы и сапоги с истертым внешним краем.

На кухне Веда резала хлеб, принесенный из деревни. Рядом стояла крынка молока, прикрытая чистой тканью. Дети ели кашу и обсуждали, чем будет называться наша новая жизнь.

— Переезд, — предложила Тая.

— Начало, — сказал Ян.

Иво помолчал, размешивая молоко.

— Ремонт.

Я согласилась с ним. Началом можно назвать что угодно, пока не приходится считать гвозди.

После завтрака Тая помогла Веде перебрать крупу. Ян вынес щепу из кухни и дважды спросил, когда ему разрешат увидеть узел. Иво отправился за ним, чтобы следить, не возьмет ли брат топор без разрешения. Я дала каждому работу на полчаса, потом велела надеть пальто и выйти во двор.

— Почему? — спросил Ян.

— Потому что в мастерской будут открывать защитный кожух. Вы не умеете распознавать перегрев меди и не должны учиться этому на неисправном узле.

— Я могу посмотреть из двери.

— Нет.

— А когда смогу?

— Когда выучишь правила и станешь достаточно взрослым, чтобы выполнять их без спора.

Он нахмурился. Тая взяла его за рукав.

— Значит, не сегодня.

— Я и сам понял.

— Тогда пойдем искать сухие ветки.

Веда дождалась, пока они выйдут, и поставила на стол еще одну кружку.

— Гарет придет через час. Я сказала, что работа оплачиваемая.

— Спасибо.

— Благодарить будете после счета.

Мне понравилось, что она не предлагала услуги знакомого как одолжение. У бесплатной помощи в плохие времена часто обнаруживалась цена, о которой сначала молчали.

Торен приехал раньше Гарета. Сегодня он был один. Под плащом виднелся темный мундир без парадной перевязи, у седла висел кожаный футляр для актов. Он привязал лошадь к коновязи и снял перчатки еще на крыльце.

— Вы нашли что-то кроме номера? — спросил он после приветствия.

— Пока нет. Я не хотела нарушать положение сердечника до вашего приезда.

— Я думал, вы скажете: до приезда свидетеля.

— Вы одновременно свидетель и человек, который отвечает за эту линию. Мне нужны обе ваши роли.

Он посмотрел на меня внимательнее, но ничего не ответил.

В мастерской я показала журнал, запись о весенней замене и номер на камне. Торен спустился в нишу, протер насечку своей тканью и переписал цифры в блокнот.

— Могли ошибиться при записи, — сказал он.

— Могли. Поэтому номер сам по себе доказывает только расхождение.

— Вчера вы были увереннее.

— Вчера мы разговаривали без протокола. Сегодня каждое слово может попасть в дело.

Торен поднялся и положил блокнот на верстак.

— Хорошо. Научите меня читать насечку.

Я придвинула лампу. Заводской номер состоял из букв каменоломни, порядкового числа партии и года обработки. `СК-392-16` означал, что камень обработан двенадцать лет назад. Запись в журнале указывала на партию этого года.

— Старый сердечник могли держать на складе неиспользованным, — заметил Торен.

— Могли. Возраст не равен износу. После извлечения проверим поверхность, крепления и рабочие грани.

— А если он действительно лежал в запасе?

— Тогда я признаю, что вывод о подмене был преждевременным, и займусь причиной перегрева.

Торен коротко кивнул.

Рейнар никогда не спрашивал, что изменит мое заключение. Он спрашивал, насколько уверенно я смогу защитить нужный ему вывод. Разница была небольшой только для человека, которому не приходилось отвечать за последствия.

Гарет Молл вошел без стука, потому что дверь мастерской оставалась открытой. Он был широк в плечах, носил серую бороду, подстриженную у подбородка, и кожаный фартук поверх толстого свитера. За спиной у него висел ящик, от которого пахло маслом и угольной пылью.

— Веда сказала, здесь платят за работу и спорят со стражей, — произнес он. — Хотел узнать, что из этого правда.

— Первое — после согласования цены, — ответила я. — Второе вы уже пропустили.

Он усмехнулся и назвал две кроны за осмотр соединений, без ремонта и материалов.

— Одна крона шестьдесят грошей, письменное заключение включено.

— Одна восемьдесят. Я пишу медленно.

— Согласна.

Мы скрепили условия рукопожатием, а Веда записала их на листе. Торен поставил подпись свидетеля.

Перед вскрытием я вбила штырь в землю у наружной стены. Грунт промерз только сверху. Гарет поливал место горячей водой из чайника, я работала кувалдой, Торен удерживал штырь клещами. Когда наконечник ушел на нужную глубину, мы соединили его с корпусом временной полосой и проверили отвод обычным измерительным мостом.

Никакого свечения или знака не последовало. Стрелка прибора сместилась на две отметки и замерла. Этого было достаточно.

Я перекрыла три механических зажима, сняла остаточный заряд на заземление и только после нулевого показания коснулась крепежа. Гарет стоял справа, Торен держал журнал и называл время каждого действия. Веда ждала наверху и не подпускала детей к мастерской.

Первые два болта пошли туго. Третий провернулся слишком легко.

— Его снимали, — сказал Гарет.

— Почему вы так решили? — спросил Торен.

— На резьбе свежая смазка. Старая смесь к зиме чернеет и густеет. Эта светлая.

Он соскреб крупицу на белую ткань, запечатал ее в маленький стеклянный пузырек и надписал дату. Я продолжила освобождать кожих. Под прижимной планкой обнаружилась царапина до чистой меди.

— А это мог оставить последний осмотр? — спросила я.

Гарет провел ногтем рядом, не касаясь следа.

— Медь вокруг уже потемнела, царапина еще красная. Неделя, две. Месяц при сухом воздухе, но здесь сыро.

Последняя официальная проверка, согласно журналу, состоялась четыре месяца назад.

Торен записал заключение без комментария.

Мы закрепили над сердечником подъемную скобу. Камень весил больше сорока фунтов. Втроем мы вывели его из гнезда и опустили на доски. По нижней грани шла широкая стертая полоса. Такие появлялись после нескольких сезонов, когда сердечник многократно нагревался и остывал в одном положении. На двух углах были старые сколы, заполненные темной пылью.

— Не складской, — сказал Гарет. — Работал долго.

— Можно установить, где? — спросил Торен.

— Если сравнить прижимы и рисунок окисления. Здесь стоял недавно. До этого — в кожих с четырьмя узкими лапами. Видите парные следы?

Я увидела. Наш узел держал сердечник двумя широкими планками. Четыре узких светлых пятна не совпадали с ними.

— Сколько лет он работал? — спросил Торен.

— Точно не скажу, — ответила я. — Не меньше трех сезонов по рабочей грани. Возможно, больше. Нужен осмотр специалиста каменоломни.

Торен взглянул на запись о весенней установке.

— Ошибка в номере не объясняет свежую смазку и чужие следы крепления.

— Уже нет.

Он не стал напоминать, что я была права. Это тоже отличало профессиональный разговор от супружеского спора.

Я сделала оттиск насечки на мягком воске, затем срисовала ее в двух экземплярах. Гарет составил заключение о времени демонтажа и состоянии креплений. Один экземпляр мы оставили в журнале, второй Торен убрал в футляр. Сам сердечник завернули в промасленную ткань и поместили в старый ящик для угля. На крышке не было исправного замка, поэтому Торен послал Ларса, вернувшегося к полудню, за пломбировочной проволокой.

До его возвращения мы не расходились.

Дети ждали во дворе. Ян сидел на перевернутом ведре и строгал палочку тупым столовым ножом под наблюдением Веды. Тая записывала найденные ветки черточками на земле. Иво смотрел, как из трубы поднимается дым.

— Вы достали камень? — спросил Ян.

— Достали.

— Он сломан?

— Он изношен и стоит не там, где записано.

— Значит, кто-то соврал?

— Значит, кто-то должен объяснить разницу.

Тая подняла глаза.

— Это не одно и то же?

— Не всегда. Если сначала решить, что человек виноват, можно перестать проверять факты.

Иво наконец отвернулся от трубы.

— А если он виноват?

— Тогда факты никуда не денутся.

Мы пообедали хлебом, сыром и яблоками. Торен отказался сесть за стол, пока Ларс не вернулся, и ел у окна мастерской. Я принесла ему тарелку.

— Это не входит в условия допуска, — сказал он.

— Нет. Но если вы уроните ящик от голода, мне придется платить за новый сердечник.

— Вы всегда объясняете заботу расчетом?

Вопрос прозвучал спокойно. Я могла сделать вид, что не услышала скрытого смысла.

— Так ее проще принять человеку, которого я плохо знаю.

Торен взял тарелку.

— Тогда я поем ради сохранности улики.

На его лице не появилось улыбки, но голос стал мягче.

Ларс вернулся с проволокой, двумя номерными пломбами и конвертом. Пока Торен опечатывал ящик, я вскрыла письмо. Бумага была плотной, с тисненой буквой `X` в углу.

Орен Харт сообщал, что узнал о моем затруднительном положении и готов приобрести северный приют вместе с долгом. Предложение действовало три дня. В обмен он обещал оплатить дорогу в Серую долину и добавить пятьдесят крон, если я освобожу дом до конца недели.

Письмо было составлено вежливо. Ни слова о неисправном узле, ни слова о кровельных листах, которые его компания обещала прежнему владельцу. Только сожаление, что одинокой женщине с тремя детьми досталось имущество, требующее мужского управления.

— Он быстро узнал, — сказала я.

Торен закончил загибать проволоку.

— Харт получает копии актов по линиям, которые обслуживает его компания. Временное закрытие отправили ему вчера.

— И сегодня он уже предлагает снять с меня долг.

— Вы знакомы?

— Видела его дважды на приемах у Варда. Он поставлял камень для южных дорог. Рейнар называл его полезным человеком.

Я протянула письмо. Торен прочел его и вернул.

— Ответите?

— Да.

Я села за край верстака и на обороте чистого листа написала, что собственность не продается, долг остается за мной, дальнейшие предложения прошу направлять через окружного поверенного. Формулировка заняла четыре строки.

— Пятьдесят крон вам сейчас пригодились бы, — сказал Торен.

— Ему приют пригодился бы больше. Иначе он не прислал бы письмо через несколько часов после акта.

— Это подозрение.

— Поэтому я не написала его в ответе.

Торен поставил отметку о получении предложения в своем блокноте. Я отдала запечатанный ответ Ларсу для отправки с заставы.

Через час пришел кровельщик, которого позвала Веда. Он осмотрел протечку над западным крылом, поднялся на чердак и подтвердил цену. Работу обещал начать на следующий день, если мы предоставим листы, заказанные прежним владельцем у компании Харта.

— Они лежат на складе в Рудном Логе, — сказал он. — Мне вчера показывали накладную.

Мы подписали договор на работу отдельно от материалов. Я внесла аванс в три кроны и получила расписку.

К вечеру посыльный принес второе письмо. На этот раз конверт был дешевым, без тиснения. Управляющий склада уведомлял, что поставка кровельного железа отменена по распо-

ряжению плательщика. Заказ принадлежал компании Харта, хотя в старой смете приюта значился как уже выделенный материал.

— Вот и цена отказа, — сказала Веда.

Она стояла у кухонного окна и штопала детскую варежку. Вторая лежала на коленях, вывернутая наружу.

— Цена была бы и у согласия, — ответила я.

— Тогда где возьмем железо?

— Узнаем, чем можно закрыть крышу на сезон. Досками, пропитанной тканью, листьями с другого склада. И сколько это стоит.

— Гарет знает разборщика в Нижней деревне.

— Спросим утром.

Веда откусила нитку и посмотрела на меня.

— Вы не умеете пугаться вовремя?

— Умею. Просто страх не оплачивает счет.

На кухню вошла Тая с листом расходов. Она слышала последние слова и остановилась.

— Нам не хватит денег?

Я могла сказать, что детям не нужно об этом думать. Но Тая уже думала, а неопределенность пугала ее сильнее суммы.

— На все сразу не хватит. На безопасную комнату, еду и первый ремонт хватит. Потом дому придется зарабатывать.

— Как?

— Я буду чинить рубежные узлы. Веда знает хозяйство. Свободные комнаты можно сдавать патрулям и путникам, когда мы получим разрешение. Еще у приюта есть старая грамота, ее надо найти и проверить.

— А мы?

— Вы будете учиться, убирать за собой и выполнять одну выбранную обязанность. Работать вместо взрослых не будете.

Тая обдумала это.

— Я могу вести расходы на еду?

— Можешь записывать, что мы купили. Решения о деньгах принимаю я.

Она кивнула. Разница ее устроила.

Перед отъездом Торен занес опечатанный ящик в сухое помещение заставы при приюте — маленькую комнату возле конюшни с отдельным замком. Один ключ остался у него, второй он передал мне в запечатанном конверте. Гарет расписался на пломбах.

Ларс привез с заставы резервный сердечник `СК-508-26`. Он уже отработал один сезон, но заключение последней проверки разрешало еще два при неполной нагрузке. Мы сверили номер с резервной ведомостью, осмотрели грани и установили его в очищенное гнездо. Среднюю и восточную ветви я оставила механически разомкнутыми. После трех холостых замеров западная линия удержала нагрузку на шесть дуликих; увеличить предел можно было только после суточного наблюдения.

— Завтра сердечник отправят на заставу, — сказал Торен. — До заключения каменоломни никто его не вскроет.

— А узел?

— Средняя ветвь остается отключенной. Вы можете проверить проводку до внешней опоры. Активные испытания — только с патрулем.

— Мне нужен доступ к журналам соседних башен.

— На каком основании?

— Если старый сердечник сняли с другого узла, там должен появиться новый. Или еще одна подмена.

- Доступ дам после первичного заключения Гарета.
- Оно уже подписано.
- После того как его зарегистрируют на заставе.

Я хотела возразить, но он соблюдал порядок, который защищал и меня. Если расследование начнется с устной договоренности, Орону будет проще назвать его личной услугой бывшей жене Варда.

- Когда регистрация?
- Сегодня до восьми. Копию пришлю утром.
- Тогда завтра начинаем с опоры?
- Если за ночь не изменятся показания.

Он надел перчатки. Правая рука задержалась у манжеты, будто пальцы свело от холода. Пульс он сегодня не применял; к тому же день был не морозным. Я отметила это, но не стала спрашивать о здоровье человека, с которым знакома меньше суток.

— Кальд.

Он обернулся.

— Благодарю за то, что не назвали подмену доказанной раньше времени.

— Благодарите, если мы докажем ее так, чтобы виновный не ушел из-за нашей поспешности.

— Это и было благодарностью.

Торен принял ответ без шутки и уехал.

Вечером мы с Ведой перенесли кровати подальше от сырой стены. Дети вымыли пол в своей комнате: Тая делила участок на полосы, Ян разбрызгивал слишком много воды, Иво вытирал за ним сухой тряпкой. Потом я показала им границы, за которые нельзя заходить: восточная лестница, мастерская без взрослого, конюшня после темноты и внешняя опора.

— А если там кто-то будет? — спросил Иво.

— Зовете меня или Веду.

— А если ты внизу?

— Тогда Веду.

— А если она в деревне?

— Тогда оставайтесь вместе в кухне и стучите в железный гонг у двери. Его слышно с дороги.

Я заставила каждого повторить правила своими словами. Ян попытался сократить их до одного: не делать глупостей. Пришлось объяснить, что человек обычно считает глупостью уже сделанное, поэтому нужны точные запреты.

Когда дети уснули, мы с Ведой составили новый список. Кровельного железа не было. Временное покрытие стоило одиннадцать крон с работой, но продержалось бы только до весны. Полный ремонт требовал тридцать пять. Я выбрала временный: сейчас нам требовалось сухое жилое крыло, а не решение на десять лет.

— Это дороже в итоге, — сказала Веда.

— Если приют не заработает за зиму, весеннюю крышу покупать будет некому. Если заработает, мы заменим покрытие из дохода.

Она записала решение и поставила рядом срок проверки после каждого сильного снегопада.

Я спустилась в мастерскую в последний раз. Пустое гнездо сердечника закрывала деревянная рама, средняя ветвь была механически отсоединена. Я измерила сопротивление двух оставшихся линий. Западная держалась в пределах допуска. Восточную использовать было нельзя из-за сырости и поврежденной медной полосы.

Дом не стал безопасным от одного отказа продать его. У нас оставалось девять дней, один исправный путь отвода и деньги, которые уменьшались быстрее, чем список работ.

На верстаке лежала копия насечки: `СК-392-16`.

На столе — письмо Харта с предложением выкупить участок.

Между этими двумя бумагами пока не было доказанной связи. Но кто-то заменил новый сердечник старым, а человек, получивший сведения о неисправности первым, захотел забрать дом раньше, чем я успела понять его ценность.

Утром я собиралась выяснить, откуда привезли камень.

ГЛАВА 4. Девяносто дней

Нела Сорн пришла к приюту на рассвете с ребенком на руках и синяком под левым глазом.

Я увидела ее из окна кухни. Молодая женщина стояла за калиткой, хотя та не была заперта. На плече висел мешок, из которого торчал рукав детского пальто. Девочка спала, уткнувшись лицом ей в шею. На дороге никого не было.

— Веда, вы ее знаете?

Смотрительница подошла к окну и сразу отложила полотенце.

— Нела. Живет в Нижней деревне. Муж погиб весной, она осталась в его доме с братом и матерью.

Это объясняло родство, но не синяк.

Я накинула пальто и вышла. Нела не сделала шага навстречу.

— Мне сказали, приют снова открылся.

— Кто сказал?

— Кровельщик. Он вчера ночевал у сестры по соседству.

Новость успела пройти четыре мили быстрее официального решения.

— Пока дом работает по временному допуску. Как зовут девочку?

— Лия. Ей пять.

— Вам нужна ночевка или защита по грамоте?

Нела посмотрела на крыльцо. Веда стояла в дверях, не вмешиваясь.

— Я не знаю, действует ли грамота.

— Я тоже. Но до проверки вы можете войти как гостя на одни сутки. Это не дает мне права удерживать вас от суда или стражи, зато дает время разобраться.

— А если за мной придут раньше?

— Я спрошу, на каком основании.

Она прижала дочь крепче.

— Они скажут, что я украла Лию.

— Вы ее мать?

— Да.

— Есть решение суда об опеке?

— Нет. После смерти Павла ничего не оформляли. Свекровь сказала, ребенок останется в их доме, потому что я одна его не прокормлю.

— Есть обвинение против вас или приказ о задержании?

— Нет.

— Тогда входите. Остальное запишем внутри.

Я не обещала, что никто не заберет ее дочь. Для такого обещания требовались документы, которых я еще не видела.

Веда взяла мешок, я открыла дверь шире. Нела переступила порог и только тогда позволила себе опустить плечи.

Тая, Ян и Иво появились на лестнице одновременно. Вчера вечером я велела им не спускаться до семи. До семи оставалось три минуты.

— Это гости, — сказала я. — Нела и Лия. Сначала они поедят и отдохнут. Вопросов не задавать.

Ян закрыл рот, уже открытый для первого вопроса. Тая посмотрела на часы. Иво принес с лавки свернутое одеяло и положил его на свободный стул, не приближаясь к спящей девочке.

Нела заметила его движение.

— Спасибо.

Иво кивнул и отошел.

В кухне я записала полные имена, возраст Лии, прежнее место жительства и время прихода. Нела назвала имя мужа, дату его гибели в лесу и имена родственников, с которыми жила последние пять месяцев. Синяк, по ее словам, оставил деверь, когда она отказалась отдать ему деньги за проданную пряжу. Вчера он запер ее в кладовой. Свекровь выпустила ночью и велела уйти до возвращения сына.

— Она поможет вам подтвердить это?

— Не знаю. Она боится его.

— Соседи слышали или видели что-нибудь?

— Вита Ран принесла муку, когда я была заперта. Ей сказали, что я уехала. Она видела мой платок за дверью.

Я записала имя. Свидетельница не доказывала удар, но могла подтвердить удержание.

— Есть деньги?

Нела положила на стол шестьдесят три гроша.

— Это все.

— Оставьте. Если грамота действует, первые девяносто дней жилье и простая еда бесплатны. Если не действует, мы заключим временный договор без платы до решения суда. Работу я не потребую в обмен на кровать.

— Я умею стирать, штопать, варить мыло. Могу работать.

— Тогда позже составим отдельный договор с оплатой. Сейчас вам нужно поспать.

Нела посмотрела на меня с недоверием, которое я понимала лучше благодарности.

— Почему отдельно?

— Потому что убежище не должно покупать вашу свободу новым долгом.

Веда отвела их в комнату рядом с нашей. Лия проснулась на лестнице и тихо заплакала, не разобравшись, где находится. Нела зашептала ей на ухо. Я не слышала слов, только повторяющийся ровный ритм.

Через несколько минут в калитку постучали.

На этот раз пришел не родственник Нелы. У крыльца стоял секретарь Рейнара с двумя возницами и закрытой каретой.

Я узнала секретаря по резиденции. Мелвин вел счета дома Варда, проверял закупки и никогда не приходил к хозяину без папки. Сейчас папка тоже была при нем.

— Госпожа Вард, — начал он.

— Лессен.

— Прошу прощения. Альфа Вард получил сведения, что здание признано опасным. Он распорядился немедленно вернуть детей в резиденцию до устранения нарушений.

— Покажите решение суда.

Мелвин раскрыл папку и протянул письмо с личной печатью Рейнара. В нем говорилось о заботе отца, обязанности обеспечить безопасность наследников и готовности временно принять их. Ни подписи судьи, ни отметки палаты не было.

— Это частное требование, — сказала я.

— Господин Вард является отцом и главой долины.

— В этом округе он не глава. А порядок проживания детей закреплен решением суда.

— Решение исходило из предположения, что выбранное вами жилье пригодно.

— Тогда он может подать ходатайство об изменении порядка. До нового решения дети остаются со мной.

Мелвин посмотрел на дом. На крыше уже работали двое кровельщиков. Вместо отмененных листов они укладывали пропитанную ткань между досками, и вид у ремонта был временный, но деловой.

— Мне поручено не возвращаться без них.

— Это ваша трудность, не моя обязанность.

Я вернула письмо.

За спиной хлопнула дверь. Торен въехал во двор вместе с Ларсом и еще одним патрульным. Его появление было своевременным, но не чудесным: он обещал привезти зарегистрированное заключение утром.

Мелвин выпрямился.

— Командир Кальд, господин Вард просит содействия в возвращении его детей из опасного здания.

Торен спешился, передал повод Ларсу и прочел письмо. Потом посмотрел на меня.

— Есть новое судебное решение?

— Нет.

— Дети находятся в закрытой части дома?

— Нет. Только в западном крыле, допущенном вашим актом.

— Условия вчерашней проверки нарушены?

— Нет.

Он повернулся к секретарю.

— У стражи нет оснований исполнять частное письмо. Если отец считает детей в опасности, он может обратиться к окружному судье. До этого действуют решение о проживании и мой временный акт.

— Альфа Вард рассчитывал на понимание между главами стай.

В голосе Мелвина не было угрозы. Он просто передал фразу, которую ему велели передать.

— Я командую Северной стражей и избран местной общиной, — ответил Торен. — Ни одна из этих должностей не дает мне права менять судебное решение по просьбе другого альфы.

— Вы готовы подтвердить отказ письменно?

— Ларс составит отметку о предъявлении документа и отсутствии исполнительного основания.

Торен не повысил голос. Возницы у кареты переглянулись и остались на месте.

Я испытывала облегчение и злость одновременно. Для отказа Рейнару мне не требовался защитник, но присутствие стражи не позволяло превратить разговор в спор о женском упрямстве. Торен говорил о полномочиях, а не обо мне. Именно поэтому его вмешательство не унижало.

Мелвин дождался копии отметки, убрал ее в папку и поклонился.

— Я передам ответ.

— Передайте еще одно, — сказала я. — В следующий раз пусть господин Вард сообщает о приезде заранее. Детям не нужна карета у двери каждый раз, когда их отец решит проверить мое послушание.

Секретарь на мгновение опустил глаза.

— Передам дословно.

Карета развернулась во дворе и уехала пустой.

Тая стояла у окна на втором этаже. Я заметила ее силуэт и поднялась сразу после того, как ворота закрылись.

Все трое ждали в комнате. Ян ходил между кроватями, Иво сидел на полу возле сундука, Тая держала руки за спиной.

— Он хотел нас забрать? — спросила она.

— Да. До ремонта.

— А потом вернуть?

— Так написано в письме.

Ян остановился.

— Ты ему не веришь?

— Я верю документам и действиям. Суд решил, что вы живете со мной. Отец может просить изменить это решение, но не может прислать карету и решить сам.

— А если судья скажет ехать? — спросил Иво.

— Тогда я узнаю причины, представлю наши доказательства и выполню законное решение, пока его обжалую. Тайком увозить вас не буду.

Тая побледнела.

— Значит, нас все-таки могут забрать.

Я села перед ней, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Суд может изменить порядок, если решит, что вам здесь опасно. Поэтому мы выполняем условия ремонта, записываем расходы и не нарушаем запреты. Я не могу обещать, что никто никогда не примет плохое решение. Могу обещать, что не сдамся без проверки и не стану вам лгать.

Она кивнула не сразу.

— Я не хочу в резиденцию без тебя.

— Я знаю.

Ян прижался ко мне первым. Иво подошел последним и положил ладонь мне на плечо. Мы простояли так недолго. Потом Тая спросила, можно ли спуститься к Лие, когда она проснется. Дети отступили от меня и начали решать, какую игрушку ей показать первой.

Внизу Торен разложил на кухонном столе документы. Заключение Гарета зарегистрировали. Камень утром отправили на заставу под прежними пломбами. Первичная проверка западной ветви позволяла увеличить предел до восьми двуликих при условии, что восточная останется отсоединенной.

— Значит, Нела и Лия могут остаться, — сказала Веда.

Торен посмотрел на нее.

— Вы уже приняли постояльцев?

— Одну женщину с ребенком на сутки, — ответила я. — Они пришли до рассвета. Нужна проверка грамоты.

— Какой грамоты?

Веда ушла в кладовую и вернулась с тяжелым ключом.

— Той, ради которой строили дом.

Архив находился в комнате за старой прачечной. Дверь открылась после двух попыток. Внутри стояли стеллажи с книгами учета, свертками и пустыми ящиками. Сырость не дошла сюда, но бумага пахла пылью и мышами.

— Я искала старую грамоту после закрытия, — сказала Веда. — Не нашла. Потом совет велел передать документы Варду, а приехал его управляющий и забрал только счета. Остальное заперли.

— Кто мог знать, где она? — спросил Торен.

— Предыдущая начальница. Умерла шесть лет назад.

Мы начали со шкафа, где лежали регистрационные книги. Через час нашли опись: грамота короны на право убежища, номер семьсот четырнадцать, выдана северному дому сорок два года назад. В графе хранения значилось: огнестойкий ящик.

Ящика в комнате не было.

Гарет, пришедший проверить кровельные крепления, осмотрел пол и стены. За последним стеллажом обнаружили четыре отверстия, расположенные прямоугольником.

— Тут был железный короб, — сказал он. — Крепился к стене.

— Его сняли? — спросила я.

— Или переставили.

Веда провела ладонью по доскам рядом и постучала костяшками. Над одним участком звук оказался глуше. Мы сняли две планки. За ними оказался неглубокий отсек, а в нем — плоский железный футляр.

— Начальница не доверяла замкам, — сказала Веда. — И правильно делала.

Ключ от архива не подошел. Гарет открыл старый замок двумя тонкими пластинами, предварительно получив мое письменное разрешение как владелицы. В футляре лежала грамота на плотном полотне, книга постояльцев и инструкция для начальницы.

Королевская печать потемнела, но не была повреждена. Грамота давала любому совершеннолетнему человеку, обратившемуся добровольно, девяносто дней защиты от частного и стайного принуждения. Стража могла войти для исполнения уголовного ордера, решения королевского суда или предотвращения непосредственной опасности. Дети следовали правовому положению опекуна. Первые девяносто дней жилье и простая пища предоставлялись бесплатно. Любая работа постояльца оформлялась отдельным добровольным договором и оплачивалась.

— Здесь нет срока действия, — сказала я.

— Но приют был закрыт, — возразил Торен. — Нужно проверить, не отзывали ли грамоту отдельным указом.

Веда сжала губы.

— За сорок лет никто не отзывал.

— Я вам верю. Суду потребуется запись.

Мы завернули грамоту в чистую ткань и отвезли на заставу. Детей я оставила с Ведой, Нелой и кровельщиками во дворе. Нела согласилась ждать до вечера и не выходить за участок. Я дала ей копию своей записи о приходе.

Телеграф занимал маленькую комнату рядом с дежурной. Служащая приняла запрос по номеру семьсот четырнадцать, передала его в окружной архив и предупредила, что ответ может прийти только на следующий день.

— Можно запросить центральный реестр, — сказала я.

— Можно, — ответила она. — Это три кроны за срочный канал.

Три кроны равнялись почти месяцу простых завтраков для Лии.

— Обычный запрос, — решила я.

Торен, стоявший у двери, не предложил заплатить. За это я была ему благодарна.

Мы оставили грамоту в сейфе заставы под расписку и вернулись в приют. По дороге Торен вел лошадь шагом, чтобы я могла идти рядом. Свободной лошади для меня на заставе не оказалось.

— Рейнар подаст в суд? — спросил он.

— Скорее всего. Ему не нравится, когда решение существует без его участия.

— Вы прожили с ним долго?

— Девять лет.

— И все девять он менял правила?

— Нет. Сначала он объяснял, что знает мир лучше. Потом начал решать, какие сведения мне нужны. Когда родились дети, это стало заботой об их спокойствии. В последний год я узнавала о наших планах от секретаря.

Торен поправил повод.

— Почему вы ушли именно сейчас?

— Потому что Рейнар привел в наш дом женщину, с которой собирался заключить новый брак после развода. Он ожидал, что я останусь до официальной церемонии и помогу детям привыкнуть.

— Он сказал это вам прямо?

— За завтраком. Между просьбой заказать уголь и распоряжением подготовить гостевые комнаты.

Торен остановился. Его лицо почти не изменилось, но рука на поводке сжалась.

— Понятно.

— Не думаю.

— Тогда объясните.

Я посмотрела на дорогу впереди. Грязь затвердела за ночь, в колеях стоял тонкий лед.

— Измена оказалась не самым тяжелым. Тяжелее было понять, что он не считал нужным скрывать унижение. Был уверен, что я приму удобную роль, потому что больше мне идти некуда.

— А вы взяли его самый неудобный дом.

— Дом он отдал охотно.

— Возможно, не знал, что лежит под ним.

— Или знал достаточно, чтобы избавиться.

Это снова было подозрением, не фактом. Я сказала об этом вслух.

Торен кивнул.

— Вы всегда себя поправляете?

— Когда от вывода зависит чужая жизнь — стараюсь.

— А когда ваша?

— Учусь.

Мы дошли до приюта без дальнейших вопросов.

Ответ из архива пришел после ужина. Ларс привез телеграмму, запечатанную дежурным заставы. Грамота номер семьсот четырнадцать оставалась действующей. Приостановок и отзывов не зарегистрировано. Для возобновления работы требовалось уведомить окружного судью, вести книгу проживающих и соблюдать ограничения строительного акта.

Я прочла текст дважды, затем пригласила Нелу на кухню.

Она умылась и уложила волосы, но синяк стал темнее. Лия сидела рядом с Иво и строила из деревянных счетных костяшек ограду для его игрушечной лошади.

— Грамота действует, — сказала я. — Вы можете остаться на девяносто дней с сегодняшнего утра. За это время мы подадим заявление об опеке, запишем ваши показания и найдем оплачиваемую работу. Частные требования родственников здесь не исполняются.

— Они не смогут войти?

— Смогут прийти и передать письмо. Не смогут увезти вас или Лию без вашей воли, судебного решения или уголовного ордера. Если попытаются применить силу, я вызову стражу.

— А после девяноста дней?

— До этого мы должны добиться отдельного решения. Грамота дает срок, а не новую жизнь целиком.

Нела посмотрела на дочь.

— Я согласна.

Я достала книгу постояльцев. Первая свободная строка находилась после записи восьмилетней давности. Нела сама вписала имя, дату и причину обращения: семейное принуждение после смерти мужа. Подпись у нее была неровная, но разборчивая.

Затем мы составили временный договор проживания. Отдельно я записала, что разговор о работе состоится после двух дней отдыха и не влияет на право убежища.

— Я могу начать завтра, — сказала Нела.

— Через два дня. Сегодня вы почти не спали, завтра к вам придет доктор и осмотрит синяк. Если есть другие травмы, их тоже надо записать.

Она отвела взгляд.

— Есть ушиб на боку.

— Тогда обязательно.

Я не спросила подробностей при детях.

Торен поставил подпись под уведомлением о возобновлении грамоты. Он увеличил разрешенную вместимость до восьми двуликих на основании проверки западной ветви. Нела с Лией заняли шестое и седьмое места. Восьмое я оставила для одной аварийной ночевки и запретила плановое заселение до окончательного ремонта.

— Если сегодня придет еще одна женщина? — спросила Веда.

— Предоставим ей кухню до утра как место непосредственной безопасности и вызовем стражу для перевода, — ответил Торен. — Официально поселить не сможем.

— Куда переводить? — спросила я.

— Ближайший действующий дом в двух днях пути.

— В начале зимы.

— Поэтому нам нужен исправный узел здесь.

Он сказал `нам`, имея в виду округ и стражу. Я все равно услышала слово слишком отчетливо.

После подписания документов мы повесили у калитки старую медную табличку. Веда отмыла ее песком. На поверхности проступила надпись: `Северный дом убежища. Грамота 714`.

Табличка ничего не обещала сверх закона. Она не защищала крышу от снега, не создавала еду и не останавливала человека с судебным ордером. Но теперь любой, кто приходил за Нелой, заранее видел границу своих прав.

Дети стояли рядом. Лия держала Иво за два пальца. Ян спросил, почему девяносто дней, а не сто.

— Потому что тот, кто писал грамоту, считал три месяца достаточным сроком для суда и поиска работы, — объяснила Веда.

— Он ошибся? — спросила Тая.

— Часто, — ответила Веда. — Поэтому мы начинаем считать сегодня.

Нела впервые улыбнулась.

В тот вечер в доме стало теснее. В умывальной сохло больше полотенец, за столом пришлось поставить еще два стула, а каша закончилась без остатка. Я вычла из запаса еще два ежедневных пайка и поняла, что муки хватит не на неделю, а на четыре дня.

Зато в книге постояльцев снова появилась запись.

Приют перестал быть только неудачным имуществом, которое бывший муж отдал вместо содержания. Он стал местом, куда женщина пришла до рассвета, потому что ожидала увидеть открытый вход.

Теперь я обязана была сделать так, чтобы он оставался открытым дольше девяноста дней.

ГЛАВА 5. Разрыв на внешней линии

На девятый день к северной башне мы выехали вшестером.

Торен вел верховую лошадь. Мы с Гаретом сидели в грузовой повозке рядом с инструментами. На передней скамье устроились Ларс и двое патрульных, Кевин и Рут. Их имена я записала до выезда вместе со временем, маршрутом и количеством снаряжения.

Детям это не понравилось.

— Ты вернешься до темноты? — спросила Тая.

— Если проверка пройдет по плану.

— А если нет?

— Ларс пришлет в приют записку с ближайшей сменой.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ.

Я оставила Веде копию маршрута, Неле — деньги на продукты, а детям — запрет выходить за ограду без взрослого. Ян хотел ехать, потому что `уже знал, что нельзя трогать медь`. Пришлось объяснить: умение не касаться одного опасного предмета не делает безопасной башню с неизвестной неисправностью.

Иво ничего не просил. Он проверил, взяла ли я вторую пару рабочих перчаток.

Дорога шла вдоль низких сопок. За последние два дня земля затвердела, в тени лежали белые полосы инея. До сезонного пика оставался месяц, но рудные пласты уже начинали откликаться на смену давления. При исправном контуре человек не чувствовал этого. Только прибор отмечал слабые колебания.

У первой контрольной опоры стрелка дрожала между двумя делениями.

— Допустимо, — сказал Ларс.

— Для исправной линии, — ответила я. — Мы пока не знаем, исправна ли она.

Я записала показание и время. Торен дождался, пока все закончат, прежде чем дать знак двигаться дальше.

Северная башня стояла у развилки на Рудный Лог. Каменное строение было ненамного больше придорожной часовни: одна рабочая комната, подземный кожух и медные отводы к трем опорам. Рядом находились коновязь, навес для патруля и сарай с запасными частями.

Смотритель башни умер зимой. С тех пор журнал вели смены стражи. Последняя запись утверждала, что сердечник заменили той же весенней партией, что и камень в приюте.

Номер был другим: `СК-421-28`.

— Корпус не открывали после проверки, — сказал Кевин. — Я сам ставил сургуч.

На двух винтах сохранились красные пятна печати. Третий был чистым.

— А на этом? — спросила я.

— Там сургуч плохо держался.

— Записали?

Он перелистал журнал. Отметки не было.

Кевин покраснел.

— Это моя ошибка.

— Пока это отсутствие записи. Ошибкой оно станет, если из-за него мы сделаем неверный вывод.

Торен посмотрел на него.

— После проверки составите объяснение. Сейчас выполняйте распоряжения мастера.

Мы начали с внешней линии. Гарет проверял видимые соединения, я снимала показания на каждой опоре. Торен распределил патруль так, чтобы между нами всегда оставался человек

в пределах голоса. Расстояние было небольшим, но местность уходила вниз, и ветер глушил обычную речь.

На первой опоре медь была целой. У второй сопротивление оказалось выше нормы. На третьей прибор показал короткий скачок, затем вернулся к прежнему значению.

— Повтори, — сказал Гарет.

Я переставила зажимы, очистила контакт и измерила снова. Стрелка дошла до четвертого деления, хотя ожидалось второе.

— Средняя ветвь перегружена, — сказала я. — Та же, что шла к приюту.

Торен повернулся к башне.

— Прекращаем?

— Сначала обесточим отвод у опоры. Потом вскроем кожух. Если бросить линию под остаточным напряжением, следующий импульс пойдет в слабое соединение.

— Сколько времени?

— Полчаса при спокойном фоне.

Я еще договаривала, когда в медной полосе под ногами раздался низкий звон.

Он не был голосом или предупреждением. Металл вошел в резонанс с колебанием в грунте. Звук шел по закрепленной полосе, как по струне, и исчез через несколько секунд.

Во рту появился металлический привкус.

— Отойти от опоры! — крикнула я. — Все на открытое место, руки от металла!

Рут первой сбросила с плеча ящик с крепежом. Ларс отпрыгнул от двери башни. Кевин задержался: его правая кисть судорожно сжалась на медном поручне.

Торен оказался рядом раньше меня и ударом рукояти разомкнул его пальцы. Кевин рухнул на колени. Под кожей шеи прошла волна, позвоночник выгнулся.

— Снимите ремень и ворот! — приказала я.

Ларс расстегнул на нем оружейный ремень. Рут разрежала шнуровку у горла. Кевин втянул воздух, но выдох застрял. Пальцы его правой руки укоротились, ногти потемнели и начали утолщаться. Тело пыталось перейти во вторую форму, пока ноги и грудная клетка оставались человеческими.

Частичное обращение было опаснее полного. Разные группы мышц тянули суставы в несовместимых направлениях.

— Не держите его силой, — сказала я. — Подложите плащ под плечо. Кевин, слышите меня? Не пытайтесь завершить переход. Дышите на четыре счета.

Он не ответил. Зрачки расширились, зубы сжались.

Слева застонала Рут. Ее руки дрожали, хотя она не касалась линии. Ларс прижал ладонь к груди и слишком быстро вдохнул.

Импульс затронул троих.

Торен сбросил перчатки и опустился рядом с Кевином.

— Я удержу ритм, — сказал он мне. — Сколько нужно?

— Не больше трех минут. Я отключу ветвь.

— Делайте.

Он сел так, чтобы все трое видели его лицо, и заговорил.

Пульс альфы не звучал громче обычного приказа. Торен выровнял дыхание и задавал короткие фразы на каждом выдохе:

— Смотрите на меня. Вдох. Держим форму. Выдох. Еще раз.

В его голосе появился низкий повторяющийся тон. Он не управлял телами патрульных. Он давал им внешний ритм, за который можно было удержаться, когда собственное дыхание сбивалось от гула.

Кевин перестал выгибаться. Измененная кисть осталась неподвижной. Рут вдохнула вместе с Тореном. Ларс опустил плечи.

Я побежала к третьей опоре. Гарет был рядом с ящиком.

— Главный зажим под землей, — сказал он.

— Тогда режем перемычку у башни.

— Потеряем защиту дороги до следующей опоры.

— Если оставим, получим второй импульс.

Он не стал спорить. Мы вернулись к башне с изолированными клещами и временной петлей заземления. Стрелка прибора билась у верхнего деления.

Я зацепила петлю за корпус и вбила переносной штырь в рыхлый грунт у водостока. Гарет затягивал гнездо, я проверяла отвод. Руки работали по известному порядку: соединить землю, проверить, снять остаток, только потом размыкать линию.

За спиной Торен продолжал считать дыхание.

— Вдох. Держим. Выдох.

Голос уже охрип.

— Две минуты, — предупредила Рут между вдохами.

Она сама следила за временем. Значит, могла удерживать сознание и помогать Кевину.

Я вставила ключ в механический зажим. Металл не поддался. На резьбе выступила зеленая крошка.

— Заклинило.

Гарет взял второй ключ.

— Вместе. На счет три.

Мы нажали. Крепление сдвинулось на четверть оборота и остановилось.

— Еще.

Снова низко зазвенела внешняя полоса.

Кевин закричал. Его плечо дернулось, ткань мундира натянулась на спине.

Торен повысил голос:

— Кевин, на меня. Не на боль. Вдох.

— Две сорок, — сказала Рут.

— Гарет.

— Вижу.

Он достал короткую кувалду и ударил по корпусу ключа. Я удержала инструмент. После третьего удара зажим повернулся. Стрелка упала на деление.

Я разомкнула перемычку и отвела ее от контакта деревянным крюком.

Звон прекратился.

— Линия отключена! — крикнула я.

Торен закончил счет на выдохе.

— Отпускаю ритм. Дышите сами.

Он замолчал и остался сидеть. Сначала я проверила патрульных. Рут дрожала, но форма не менялась. Ларс мог говорить и назвал свое имя, место и дату. Кисть Кевина медленно возвращалась к человеческому виду. Пальцы выпрямились не сразу. Я не трогала суставы, пока изменение не закончилось.

— Вода маленькими глотками, — сказала я Рут. — Потом сладкий раствор. Кевина укрыть, не поднимать пять минут. Следить за температурой и цветом пальцев.

— А командир? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.